

И. Р. Чикалова

*Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, г. Минск*

БЕЛОРУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОПТИКЕ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Концепт «нация» и «национально-культурная идентичность» могут быть рассмотрены сквозь призму различных исследовательских оптик. В современных исследованиях нации и национализма лидирующие позиции занимает конструктивистский подход. В 1980–1990-е гг. в ставших классическими работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, М. Хроха национализм было предложено изучать как «набор идей, идеологических конструктов, мифов и символов, конституирующих национальное сообщество в индустриальную эпоху». В таком понимании нация – это «результат целенаправленного (по крайней мере, до определенной степени) приложения правящими элитами этих идей, конструктов, мифов и символов для создания большой по численности группы людей, объединенной общим коллективным сознанием и лояльностью своему политическому образованию (государству)» [6]. В ходе дальнейшего развития конструктивистского подхода доминирующей стала оптика, рассматривающая национализм как «разновидность дискурса или политического языка, а нацию – как его продукт, т. е. дискурсивную формацию, структурирующую

поведение людей», что оставляет на периферии внимания непосредственную связь воображаемого сообщества с реальной институциональной организацией социума [6].

Теперь обратимся к еще одной любопытной исследовательской оптике, основы которой были заложены одним из основателей геополитики, немецким ученым Фридрихом Ратцелем и американским историком Фредериком Тернером на рубеже XIX–XX вв. Ратцель, исходя из понимания пространства как политического ресурса и географической обусловленности внешней и внутренней политики государств, указал на значение в процессе образования государства естественной границы. Тернер под влиянием взглядов Ратцеля обратился к обсуждению роли в американской истории подвижной границы (*фронтира*) между поселениями белых жителей Северной Америки и еще не занятой ими территорией [8]. На протяжении четверти века, начиная с момента своего выступления в 1893 г. на заседании Американской исторической ассоциации, Тернер развивал теорию фронтира, а его последователи начали применять ее по отношению и к другим странам, которые имели колониционный опыт (Канада, Бразилия, Аргентина, Австралия, Россия).

С полем исследования границы/фронтира связано понятие *пограничье* как особого региона, находящегося по обе стороны государственной границы. Его особенности в определенной степени детерминированы типом самой государственной границы, ведь границы государства одновременно могут быть по отношению к одному соседу «мягкими», «открытыми», «коммуникативными», «инклюзивными», выступать «соединительными мостами», а по отношению к другому – «жесткими» [11, с. 396]. В такой трактовке концепт *пограничье* предстает как социокультурный и социально-антропологический феномен. Одновременно на формирование человека пограничья оказывают влияние не только государственные, но и культурные и этнические границы. Поэтому «человеком границы» может называться тот, кто существует в рамках как минимум двух культур, двух языков, кто вынужден постоянно отстаивать свою культурную идентичность в окружении идеалов и паттернов иной культуры. Почти всегда

«человек границы» – это личность трагическая, болезненно реагирующая на окружающий мир и борющаяся с ним. Подобное мироощущение придает особую значимость пограничным диалогам. В то же время обмен культурным опытом, постоянное соотнесение «своего» и «чужого» способствует культурному обогащению личности, давая возможность существовать на границе пересечения культур. Так пограничье становится передовой областью, авангардом межкультурного общения.

Все это обуславливает актуальность исследования не просто феномена пограничья, его социокультурной специфики, а человека, его национально-культурной идентичности в ситуации пограничья, когда происходит интенсивное взаимодействие с иными культурами и задействуются основные коммуникативные стратегии: ассимиляция, которая в качестве варианта аккультурации приводит к полной идентификации с новой культурой; сепарация, представляющая собой отрицание иной культуры при сохранении своих социокультурных особенностей; маргинализация, означающая потерю исходных культурных качеств и необретение нового социокультурного багажа, чужеродность как для исходной, так и для новой культуры; интеграция, характеризующаяся идентификацией личности как со старой, так и с новой культурами.

Оформившись в новую междисциплинарную область, исследования пограничья приобрели столь значительное разнообразие и популярность, что в научную повестку, естественно, вошла идея попробовать рассмотреть сквозь призму концепта «пограничье» историко-социокультурный ландшафт Беларуси. И действительно, в последние несколько лет в сообществе белорусских интеллектуалов концепт «пограничье» не просто стал востребованным, но в его левой фракции возникла и в определенной степени институционально закрепились позиции, предлагающая обратиться к Беларуси как к своеобразному социально-культурному пограничью или части регионального пограничья [1; 9; 10; 12].

Итак, что такое белорусская культура в контексте пограничья и какова белорусская национально-культурная идентичность в ситуации пограничья? Философ И. Бобков, отметившийся одной из первых исследовательских разведок методологических воз-

возможностей концепта для изучения Беларуси (1999), считает, что Беларусь как государство вся целиком является такой зоной пограничья, но при этом не является периферией. Белорусская культура «как цельная и полная» «может *состояться* – в сегодняшних условиях – только как *культура пограничья*, как культура внутренней разграниченности, встречи и перехода отличных (разнонаправленных, конфликтных) культурных частей», – пишет Бобков [1, с. 136], и успешность этого заключается в осознании и принятии транскультурности в качестве не только ситуации существования, но и определения самого себя, присутствия «в культурном пространстве многочисленных Других, наличие разнообразных границ, вынужденность практик перехода этих границ» [1, с. 133].

Первичная концептуализация Беларуси как своеобразного пограничья сравнительно быстро завоевала популярность, чтобы из гипотезы и точки зрения превратиться в одну из моделей осмысления социально-культурной ситуации, а также «пересмысления и концептуализации социальных связей, объединяющих белорусское общество» [2]. Сама же ситуация пограничья выступила в качестве контекста и/или структурного элемента политики национальной идентичности, в частности *белорусской идентичности*. Она в большинстве работ предшествующего периода рассматривалась с точки зрения становления белорусской нации как коллективного социального субъекта и ее самоопределения в качестве социальной общности; это – важный тренд, сохранивший и сегодня сильные позиции. В то же время появились работы, в которых белорусская идентичность рассматривается через выявление белорусской самобытности и уникальности, которую следует обнаруживать и развивать. Предлагается восстановление диалога белорусской и европейской культуры [3], возрождение белорусской культурной традиции через исследование «подлинного этнического субстрата» [7], обращение к «*тутэйшасці*» как к основанию этнокультурного самоопределения [5]. Выдвигается идея рассматривать белорусскую идентичность как компонент социальной идентичности, как осознание отдельным человеком своей принадлежности к белорусам. Так, О. Шпарага

рассматривает идентичность как культурно-исторический смысл, возникающий в рамках того или иного сообщества, который «индивид может себе присвоить» [12], предлагая, таким образом, версию национальной идентичности, фактически не связанную с этнокультурными, территориальными или политическими границами Беларуси, ведь современная культура все очевиднее представляет собой пространство смещения любых границ – территориальных, политических, социальных и цивилизационных.

Таким образом, конструктивистский подход к изучению нации и национализма, безусловно, сыграл, да и сейчас играет, важнейшую роль в противостоянии эссенциалистским трактовкам наций как «естественных» и «извечных» сообществ с якобы неизменными ментальными особенностями. Именно такие трактовки были и остаются теоретической основой идеологий национального шовинизма и ксенофобии. В свою очередь концепты «фронтир» – «граница» – «пограничье» стали удобными инструментами для организации дискуссии, в центре которой находятся проблемы подвижного национально-культурного состояния современного общества и изменчивой социальной идентичности. Такое обсуждение перспективно разворачивать с участием историков, культурологов, социологов и антропологов тоже на границе, но – научных областей, на междисциплинарном, культурно-символическом *фронтире* производства нового знания.

Литература

1. Бобков, И. Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт / И. Бобков // Перекрестки. Журн. исследований восточноевропейского пограничья. – 2005. – № 3–4. – С. 127–136.
2. Водолажская, Т. К постановке проблемы белорусской идентичности / Т. Водолажская // Методология.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://methodology.by/?p=693>. – Дата доступа: 18.05.2017.
3. Екадумов, А. Бездомная нация из европейского дома / А. Екадумов // ARCHE. – 1999. – № 1 (2). – С. 199–205.
4. Морозов, В. Сопротивление социального материала: о конструктивизме, национализме и демократии / В. Морозов // Гефтер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/22204>. – Дата доступа: 14.05.2017.
5. Насута, А. Харызма тутэйшасці / А. Насута // Druvis. Almanac Centru Etimologijai. – 2005. – № 1. – С. 163–173.

6. Паин, Э. О методологической перезагрузке теории нации / Э. Паин, С. Федюнин // Гефтер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/22113>. – Дата доступа: 14.05.2017.

7. Санька, С. Традицияналісцкі погляд на традыцыю: «прэзюмпцыя аўтаhtonнасці» й «дэканструкцыя традыцыі» / С. Санька // Анталёгія сучаснага беларускага мыслення. – СПб.: Невский простор, 2003. – С. 46–63.

8. Тернер, Фр. Значение фронта в американской истории / Фр. Тернер // Фронт в американской истории / пер. с англ. – М.: Весь мир, 2009. – 303 с.

9. Филатов, А. Беларусь как пограничье: несколько замечаний о судьбе исследовательского направления / А. Филатов // Перекрестки. Журн. исследований восточноевроп. пограничья. – 2007. – № 3–4. – С. 5–24.

10. Филатов, А. Идея «пограничья» как политика идентичности / А. Филатов // Палітычная сфера. – 2008. – № 10. – С. 39–47.

11. Филиппова, О. А. «Граница» и «пограничье» в контексте политик идентичности / О. А. Филиппова // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: сб. науч. работ. – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2010. – Вып. 16. – С. 394–401.

12. Шпарага, О. Поиск идентичности в контексте пограничья: белорусская версия (первое приближение) / О. Шпарага [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belintellectuals.com/discussions>. – Дата доступа: 20.05.2017.